

Татьяна АХРАМКОВА: МОЙ МЕТОД — БИЧУЮЩИЙ ЭРОТИЗМ

Женщина-режиссер у нас редкость. Да еще в Театре имени Маяковского. Но Ахрамкова даже самую сложную пьесу умеет сделать яркой и зрелищной. А кроме того, любит готовить всякие вкусности.

— Как человек вашей занятости может еще и варенье варить?

— Повидло! Я косточки вынимаю, час томлю без сахара, потом убегаю. Прибегу — на маленький огонь, ухожу — выключаю. Так пару раз, потом — сахар и — в банки. Угощаться можно в перерывах между репетициями.

— Ваши предки тоже бегали по репетициям?

— У меня бабушка с Таировым работала. Правда, она была не актриса, служила в администрации. Когда Камерный театр разгромили и по всему фойе валялись сорванные со стен фотографии и афиши, она собрала их в маленький, как мы его называем, «окупационный» чемоданчик. И он долгое время пребывал на шкафу в неприкосновенности. После восьмого класса я поступила в экспериментальную театральную школу в Москве. Когда бабушка поняла, что я буду серьезно заниматься театром, она достала мне этот чемоданчик.

— После такой школы в вуз брали запросто?

— Нас, детей, пригласили в «Ленком» в массовку спектакля «Колонисты» по «Педагогической поэме» Макаренко. И с тех пор связь с «Ленкомом» оказалась для меня астральной. С девятого класса я участвовала в массовке, знала многих артистов, в том числе начинающего Николая Караченцова. Никогда не забуду, как его супруга Людмила Поргина в пору, когда они женились и бегали друг к другу на свидания, подошла ко мне в фойе: «Деточка, ты не можешь выйти вместо меня проституткой? Выйти, махнуть юбкой и уйти?» «Конечно, могу». В спектакле была массовка: на сцене появлялись женщины подозрительного поведения. А Люда топ-модель, стройная, худая. Действительно: что она, что девятиклассница — какая разница? И я надевала ее платье, распускала свою длинную косу, красила губы какой-то похабного цвета помадой, выходила на сцену и обнажала коленку. Мне это движение представлялось пределом разврата. А Поргиной и Караченцову я до сих пор говорю: «Вы своим браком обязаны мне, потому что если бы не выходила вместо Люды проституткой, то ваша семья не состоялась бы».

— Легко ли вам в Театре Маяковского, под руководством грозного Андрея Александровича Гончарова?

— В этом театре никому ничего не доставалось легко. Я считаю, что

меня можно занести в Книгу рекордов Гиннеса. В качестве не просто режиссера, а женщины-режиссера, которая в эпоху царствования Андрея Александровича, могу похвастаться, поставила одиннадцатый спектакль в его театре.

— Каких артистов вы любите?

— Я люблю артиста в высшем понимании. Артиста, который не вступает с тобой в изурительную дискуссию, не оказывает ненужного сопротивления. Если уж я придумала спектакль, то все равно приведу корабль к причалу. Но всегда радуюсь, когда есть подказка, восхищаюсь актерскими предложениями, а иногда рукоплещу им.

— А как вы отнеслись к тому, что в спектакле «Любовный напиток» Наталья Гундарева и Евгения Симонова решили поменяться ролями друг с другом?

— А как отнеслись к тому, что актриса Татьяна Орлова в этом спектакле играет мужчину — ведь это совершенный парадокс! Когда мы гастролировали, она по привычке зашла в мужском гриме в женский туалет. Там был полный шок! В этом женском составе искусство выживания просто космическое. Я не феминистка, мне просто вдруг показалось любопытным исследовать эту часть нашей жизни. Таня играет в спектакле и женскую, и мужскую роли — универсальная биология, необычная! И тогда я и главных героинь «махнула биологиями»: Наталью Гундареву с ее привычно волевым характером сделала слабой, а «инженю», «вечную принцессу» Женю Симонову, поставила на ее место. Получилась пьеса о скитании женских душ, которые пытаются реализоваться театральным, фантазийным образом. Все это затевалось с чистыми помыслами и с болью «за баб-с».

— Что для вас в театре важнее всего?

— Ой, важнее всего дисциплина, как ни странно.

— Какие меры воздействия на актеров вы применяете? Как, например, с прикладными?

— Я не быю бытовые приборы, не бросаю стульями, повышаю голос в основном по причине разгильдяйства при установке декораций или света. А вообще, я считаю, главное — это подходить к актеру с юмором. Меня иногда спрашивают: «Какой метод вы применяете в работе?» Так вот, метод бичующего эротизма. Я сама изобрела этот термин. Я стараюсь все пьесы, все сце-

ны анализировать почти по Фрейдю. Мне кажется, если бы я не стала режиссером, то пошла бы в психологи или психотерапевты.

— В ваших спектаклях значительное место отводится музыке...

— Пока я не услышу музыкальной фантазии, не уловлю музыкального образа спектакля, я как в параличе, ставить не берусь. Дома у нас большая фонотека, муж все-таки консерваторию закончил, я — музыкальную школу по классу скрипки. Там, где скрипка — там и фортелиано, там и гитара. И потом, десять лет работы в консерватории...

— Чем вы там занимались?

— Библиотекарем работала. Это потрясающая форма музыкального образования. Я все время имела дело с нотами, с популярными, с классической, бывало, и с очень редкими нотами и книгами. Это откладывает какой-то поразительный культурный отпечаток в сознании. Я — фанат музыкальный. Разброс пристрастий — от эстрады до классики. К доброму авангарду отношу Эрика Клептона, Питера Гэбриэла, Бон Джови. А из классической музыки обожаю Баха, Верди, Рахманинова, люблю Шнитке, особенно раннего, «Кронос-квартет». Майкла Наймана, Пьяццоллу.

— Вы ставили пьесы Григория Горина. Надо же, доверили...

— Пьеса «Чума на оба ваши дома» досталась мне по наследству — не спектакль, а графские развалины. После горинского «Кина IV» мне не хотелось ставить того же автора, и Гончаров, зная это, отдал пьесу режиссеру, который очень долго с ней сражался. Отчаявшись, Горин стал репетировать сам. И наш общий друг и учитель Марк Анатольевич Захаров возмутился: «Как же так? Григорий Израилевич — прекрасный драматург, но он же может режиссировать...» Пришлось спасать театр и декорации.

— Какие спектакли ваши самые любимые?

— Я все люблю. Есть, конечно, один с прибабасами — это «Забавы Дон Жуана» в филиале. Он экспериментальный. Муза Павлова писала эту пьесу специально для меня, но, к сожалению, из-за болезни доделать не успела, и мы досочинили ее сами.

— Расскажите еще о вашей семье, о родителях.

— Они меня породили, они мне дали образование и не одно. Я их рано потеряла. Мама — русская, а

папа — поляк. Говорят о пресловутой польской гордости, вот и я ощущаю в себе некую постоянную борьбу. Могу излишне расшаркиваться, навязываю какую-то помощь. Но гонор присутствует все равно.

— Свободное время чему посвящаете?

— Все оно уходит или на профессию, или на друзей. Мы любим ездить в гости. А у себя принимаем гостей скромно — на кухне, потому что в доме происходит перманентный ремонт. Первый год меняют грубы, второй — сантехнику, третий — меняют паркет, четвертый — клеят обои. Этим занимается ЖЭК, но частная лавка, это не «евро». А если бы сделали «евро», я бы там жить не могла. Я могу только в своем старом. Стараюсь не разрушить, что осталось от бабушки и мамы.

— Что вы любите делать больше всего на свете?

— Больше всего на свете я люблю спать. Для меня счастье — просто выспаться. Люблю слушать и играть музыку. Когда есть время — готовить самую занудную пищу и большое разнообразие салатов. Недавно Михал Петрович появился — мое новое развлечение.

— Кто появился?

— Михал Петрович, замечательная дворняга. Муж стоял и ждал меня на троллейбусной остановке, рядом с ним покорно сидел пес. Я стала спускаться со ступеней, и вдруг эта псина рванула ко мне, положила лапы мне на плечи. Мы пошли, думая, что пес убежит, но он всю дорогу до дома трусил рядом, заглядывая нам в глаза. И в них читалось: «Ничего, ребят, что я с вами тут бегу?»

На следующий день начинался Великий пост, а в холодильнике были остатки еды — ветчина, буженина. Я говорю: «Ну, пойдем, покорим его». Открыли дверь — пес опрометью кинулся на кухню и уселся нас ждать. Даже обнюхивать пространство не стал, будто всю жизнь здесь прожил. Мы с нашей актрисой Таней Орловой, собачницей с большим стажем, поехали напрямком в «собачий» магазин и скупили все — от поводков и ошейников до расчески, шампуней и каких-то там витаминов. Сумма была потрачена оглушительная — ползарплата. Приехали, помыли его, — и он оказался таким красивым: черный с дымкой, с белым жабо, — соль с перцем!

Встретилась
-29.11.03, Алена МОРОЗОВА
-с.7